

Глава 1

*Царящая на западе весталка*¹.

Эльфрида Суонкорт была молодой особой, чувства которой всегда можно было легко прочесть по ее лицу. Постичь же саму природу ее чувств, кои претерпевали изменения с неспешным ходом времени, было дано лишь тем, кто своими глазами видел события, что повлияли на всю ее жизнь.

Характер ее был соединением весьма удивительных черт, уникальность которых, как бы там ни было, составляло скорее их сочетание, чем сами сии отдельные черты. По правде говоря, вам не открывались особенности и суть ее характера, когда вы вели с ней беседу; и сие чарующее умение удерживать собеседника от непосредственного изучения ее нрава заключалось не в скрадывающем действии прекрасных манер (ибо ее манеры были детскими и едва-едва сформировались), но в милой легкомысленности самих ее наблюдений. Она всю жизнь прожила в сельской тишине — *monstrari digito*² праздного люда не льстило ее самолюбию, и к девятнадцати-двадцати годам она обладала не большей опытностью в сфере общения, чем живущая в городе юная леди пятнадцати лет.

Однако одну ее отличительную черту вы замечали непременно: то были ее глаза. Любуясь ими, вы смело выносили суждения о ее натуре; не было нужды вглядываться дальше: сама ее душа представала пред вами.

Ее глаза были синими; синими, как осенняя даль — синими, как та синева, что пролегает между очертаньями далеких холмов и лесистыми косогорами, на кои мы смотрим ясным сен-

¹ Шекспир. Сон в летнюю ночь. Акт II, сцена 1. Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник. Неточная цитата.

² *Monstrari digito* (лат.) — когда на тебя указывают пальцем.

тябрьским утром. Огуманенная и прохладная синева, что не имеет ни глади, ни начала, и взгляд этих глаз устремлен скорее ВГЛУБЬ, чем ВОВНЕ.

Что до ее манеры держаться, то она не подчиняла себе окружающих, она всегда вела себя нерешительно. Бывают женщины, способные заполнить собою всю банкетную залу, а Эльфрида обладала не большей покоряющей силою, чем обычный котенок.

Эльфриде была свойственна особая задумчивость, такая же, что сияла на лице «Мадонны в кресле»¹, но без ее экстаза: теплота и душевность черт женщины этого типа, самых узнаваемых у красавиц Рубенса — и смертных, и бессмертных, — только без избытка плоти, присущего его моделям. Характерное выражение женских лиц на картинах Корреджио² — отражение неких тоскливых мыслей человеческих, что таятся в душе слишком глубоко, чтобы излиться в слезах, — порою и это было ей свойственно, но, как правило, в необыкновенных обстоятельствах.

Можно сказать, что поворотным пунктом в жизни Эльфриды Суонкорт, после которого заструились глубинные воды нашего повествования, стал тот зимний день, когда она, очутившись в роли хозяйки дома, столкнулась лицом к лицу с молодым человеком, коего никогда не встречала прежде, более того, она смотрела на него с любопытством и интересом Миранды³, коими до сих пор не достаивала ни единого смертного.

Именно в этот самый день ее отец, вдовый священник в омываемом морем приходе на окраинах Нижнего Эссекса, страдал от приступа подагры. Когда она отдала слугам все необходимые распоряжения по хозяйству, Эльфриду одолело бес-

¹ «Мадонна в кресле» (итал. «Madonna della Sedia») — картина Рафаэля Санти, написана ок. 1513–1514 гг.

² Антонио да Корреджио (итал. Antonio da Correggio, 1489–1534) — итальянский художник Высокого Возрождения.

³ Речь идет о Миранде из пьесы Шекспира «Буря», которая, проживши всю жизнь на острове, никогда не видела других людей, кроме своего отца и слуги, и отличалась любопытством и наивностью.

покойство, и она не единожды выходила из комнаты, поднималась на верхний этаж и стучалась в дверь отцовской спальни.

— Входите! — всякий раз отвечал сердечным тоном доносящийся оттуда голос.

— Папа, — сказала она, улучив минуту, обращаясь к краснорлицему красивому мужчине лет сорока, внушительной комплекции, что пыхтел и шипел, как закипающий чайник, возлежа на кровати, будучи облачен в халат, и у коего время от времени вырывались невольные восклицания первого слога или слогов неких выражений, что были на грани ругательства. — Папа, ты сможешь спуститься вниз сегодня вечером?

Она говорила на повышенных тонах: он был глуховат.

— Боюсь, что нет... у-у-уф!.. очень боюсь, что я не смогу, Эльфрида. Уф-уф-уф! Я не могу вынести веса даже носового платка на этом ужасном пальце, что уж там говорить о чулке или туфле... Уф-уф-уф! Ну вот, снова начинается! Нет-нет, я встану не раньше завтрашнего утра.

— Тогда я надеюсь, что этот человек из Лондона не приедет, в противном случае просто не знаю, что я с ним буду делать, папа.

— Ну, стало быть, это будет очень неловко, можно не сомневаться.

— Я не думаю, что он приедет сегодня.

— Почему?

— Потому что ветер уж так воет!

— Ветер! Что у тебя за мысли, Эльфрида! Виданое ли дело, чтобы ветер хоть раз остановил мужчину, если тому требуется выполнить задуманное! И еще эта моя подагра разыгралась ни с того ни с сего!.. Если он приедет, ты должна проводить его ко мне наверх, затем накормить и уложить спать где-нибудь. Боже мой, сколько же со всем этим хлопот!

— Должна ли я предложить ему поужинать?

— Будет слишком тяжело на желудок для уставшего человека в конце утомительного пути.

— Тогда чай?

— Слишком мало, недостаточно.

— Значит, ранний ужин с чаепитием? Холодная дичь, пирог с зайчатинной, пироги с начинкой и прочее.

— Да, ранний ужин с чаепитием.

— Должна ли я разливать ему чай, папа?

— Конечно, ведь ты хозяйка дома.

— Что! Провести столько времени с незнакомцем, словно мы давно друг друга знаем, и никого рядом, кто бы нас представил?

— Это все вздор, дитя, насчет представления; ты не настолько глупа, чтобы этого не понимать. Практический человек, делец, усталый и голодный, который этим утром поднялся с первыми лучами зари, чтобы добраться до нас, едва ли будет склонен вечером вести беседы да сотрясать воздух любезностями. Все, в чем он будет нуждаться, это пища и кров, и ты должна проследить, чтобы он все это получил, поскольку я прикован к постели и попросту не могу это сделать сам. Надеюсь, тут нет ничего ужасного? Голова у тебя забита самыми необыкновенными фантазиями потому, что ты читаешь слишком много романов.

— Ах нет, ничего ужасного нет в том, что есть простая дань необходимости, вот как сейчас. Но, видишь ли, ты же всегда был рядом, когда к нам на ужин приходили гости, даже если они были наши знакомые; а этот непонятный человек, делец из Лондона, он, быть может, подумает, что это очень странно.

— Очень хорошо, пусть его.

— Он партнер мистера Хьюби?

— Мне кажется, вряд ли; впрочем, может, он и партнер.

— Скажи, сколько ему лет?

— Этого я не знаю. Ты можешь взглянуть на копию моего письма к мистеру Хьюби и его ответ, что лежат на моем письменном столе. Прочти оба письма — и будешь знать о госте ровно столько же, сколько и я.

— Я их прочла.

— Что ж, тогда к чему задавать вопросы? В письмах содержится все, что я о нем знаю. Ай-ай-ай!.. Чтоб тебя черти взяли, молодая негодница! Не клади на ногу ничего! Я и веса мухи сейчас не вынесу!

— Ох, папа, я прошу прощения. Я позабыла; я думала, что тебе, быть может, холодно, — сказала она, поспешно убирая плед, который набросила было на ноги страдальца; и, дождав-шись, пока чело ее отца прояснится после причиненной ему неприятности, она выскользнула из его комнаты и снова спустилась вниз.

Глава 2

Это было на склоне зимнего дня¹.

В тот день промелькнули еще два-три часа, и вот уж солнце начало понемногу клониться к закату, когда на фоне неба возникли какие-то фигурки, что двигались на вершине девственно-чистого холма, стоящего в этих краях особняком. То были двое мужчин, кои пока что казались просто силуэтами, они сидели в догкарте² и продолжали продвигаться вперед, несмотря на сильные порывы ветра. Едва ль хоть одно обитаемое жилище или душу человеческую можно было встретить на всем протяжении той мрачной, открытой всем ветрам местности, что они пересекали; стало смеркаться, на землю опускалась ночь, однако окружающий пейзаж, что еще виден был в наступающей темноте, оживила своим неспешным восходом планета Юпитер, что сразу замерцала сильным бриллиантовым блеском впереди наших путешественников, соперничая с Сириусом, который, появившись прямо у них над головой, заливал им плечи своим сиянием. На земле же светило всего несколько тускло-красных огней, что горели кое-где на далеких холмах, кои, как возница самовольно заметил своему пассажиру, были тлеющие костры из торфа и дробка, что местные жители зажигали ради сельскохозяйственных нужд. Порывы ветра были все еще очень сильными, но постепенно начали идти на спад, если сравнивать с тем, как ветер свирепствовал днем, и три-четыре облачка, легких и бледных, появились на небе, неторопливо двигаясь с юга, от Канала³.

¹ Название одноименного романа, известного во времена Томаса Харди.

² Догкарт — высокий двухколесный охотничий экипаж, где под сиденьями есть места для собак.

³ Имеется в виду Английский канал, или Ла-Манш.